

Мика Эль

*Цена
выбора*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мика Эль
Цена выбора
Серия «цена выбора», книга 1

<https://litres.ru/73804674>

SelfPub; 2026

Аннотация

ДИСКЛЕЙМЕРЫ (метки)

- Насилие
- Жестокость
- Угрозы сексуального характера
- Психологическое насилие
- Избиение несовершеннолетнего
- Рабство / торговля людьми
- Кровь
- Травмы
- Оскорбления на почве расы
- Нецензурная лексика
- Унижение достоинства

Тёмное приключенческое фэнтези с романтической линией и психологической драмой о ненависти и любви между врагами.

Эта книга не о спасении. Она о выборе. О цене, которую платят те, кто не может поступить иначе. И о чувствах, которые никто не называет своим именем.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Первая ночь.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мика Эль

Цена выбора

Пролог.

Лес в этот час — золотой. Я люблю это время: солнце уже не жжёт, а гладит, тени становятся длинными и мягкими, а лучи света, пробиваясь сквозь кроны, подсвечивают мох и делают стволы многовековых деревьев тёплыми, почти живыми. Где-то на ветвях поёт птица, ей вторит вторая, и их голоса переплетаются с шорохом листвы и журчанием ручья. Я вдыхаю запахи леса: прелые листья, цветущий вереск и совсем чуть-чуть дыма осенних костров.

Я сижу на корнях старого клёна, машинально глажу шершавую кору. Рядом, прислонённые к стволу, стоят мой лук и колчан — в лесу без оружия не ходят, даже когда всё тихо.

Там, в низине, где ручей делает петлю и вода замедляет бег, играют мои дети. Я называю их своими, хотя они мне не родные по крови. Но какая разница? В лесу все дети — общие. Мы их бережём, потому что их мало, потому что каждый ребёнок — чудо, особенно теперь, когда наш народ реддеет с каждым годом.

Самый младший, Ллаэн — ему всего двадцать. По нашим меркам, дитя, которое едва научилось ходить. Он стоит по

колени в прозрачной воде и пытается поймать серебристых мальков голыми руками. Каждый раз, когда рыбки ускользают из его ладоней, он взвизгивает от восторга и заливается звонким смехом. Двое старших, Нильбрас и Таур, делают вид, что заняты важным делом — строят плотину из камней, — но я вижу, как они то и дело косятся на Ллаэна и прячут улыбки в ладонях, хотя сами то и дело поглядывают на серебристые всплески.

Я смотрю на детей, и сердце моё наполняется чем-то тёплым, тягучим, похожим на медовый настой, который дурманит голову. Лениво жую травинку и думаю о том, что завтра надо будет сходить на опушку за ягодами — черника в этом году уродилась на славу. А то старейшины будут ругаться, если узнают, что мы опять гуляем так далеко от поселения. Но сегодня такой приятный вечер, дети так счастливы, что я не могу заставить себя позвать их обратно. Пусть играют. Лес нас защитит.

Но краем глаза я всё равно скашиваюсь на тропу. Не знаю, почему так тревожно на душе. Просто вечер какой-то другой — слишком спокойный, слишком тихий, будто лес затаил дыхание и ждёт чего-то.

— Тише вы, — говорю я скорее для порядка, чем потому, что они шумят. — Всех зверей распугаете.

— А тут и не было никого! — Таур выпрямляется во весь рост, вода стекает с его длинных волос серебряными нитями, а на лице сияет улыбка. — Тиссея, а почему нам нельзя

ходить дальше?

— Потому что там люди.

— А люди — это кто? — Ллаэн неожиданно подаёт голос.

Я замолкаю, подбирая слова. Как объяснить ребёнку — такому чистому, такому доверчивому, — что за холмами живут те, кто убивает не ради выживания, а ради забавы? Те, кто воюют даже между собой, сжигая целые деревни не щадя ни детей, ни стариков. Как сказать малышу, что там, за этими золотыми холмами, живут настоящие монстры из сказок, которыми матери пугают непослушных?

— Люди — это те, кому лучше не попадаться на глаза, — говорю я наконец, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Они не видят жизни вокруг — только вещи, что можно использовать. Они вырубают лес под корень и называют это пользой. Сияние золота затмевает их разум. А нас ненавидят. Потому что мы другие.

В тишине, повисшей над ручьём, мне слышится треск ветки. Где-то там, у тропы. Или ближе. Я вслушиваюсь, но лес молчит. Слишком красноречиво молчит.

— Идите ко мне, — зову я детей, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Уже поздно. Пора домой

Глава 1. Первая ночь.

Нанталь

Тьма опустилась на лес тяжёлым бархатным покрывалом. В ответ костёр разгорался всё ярче, бросая на землю живые, пляшущие тени. Огонь метался, выхватывая из мрака то чьё-то усталое лицо, то шершавые стволы деревьев.

Я сидел на поваленном бревне, машинально водя ножом по точильному бруску, но взгляд мой был прикован к пламени. Наконец-то можно позволить себе расслабиться. Усталость, копившаяся за долгий переход через глухую чащобу, навалилась разом: ноги гудели от беспощадного хода, плечи ныли под лямками котомки, а костёр почти не грел — только подчёркивал, как же я вымотался.

Вокруг царил уже привычный, грубоватый быт: отряд оживился у огня, перебрасываясь шутками. Клаус, хмуря густые брови, уже принялся цедить сквозь зубы привычные колкости про нечисть и свои былые доблести. Рядом Джек с жаром травил байку — он так размашисто жестикулировал, что едва не опрокинул котелок с варевом. Лука, затаив дыхание и раскрыв рот, ловил каждое слово, изредка сдавленно смеясь в кулак. Ганс по своему обыкновению дремал.

Огромный, неповоротливый, он сидел на земле, поджав ноги, и тупо смотрел в огонь — ни один мускул на его лице не дрогнул. Поодаль Бернард возился с потрёпанной картой, но и он не упускал ни звука: слушал краем уха, то и дело бросаая цепкие взгляды на рассказчика. Я тоже слушал, но мысли мои блуждали далеко.

— ...а она ему как залепит! — Джека прорвало хохотом, и он едва не кубарем слетел с бревна. — Он кувыркнулся — ноги кверху, а баба эта...

— Брешишь ты всё, — буркнул Ганс беззлобно, но уверенно.

— Чтоб мне провалиться, ни слова лжи!

— Ты уже раз пять сегодня проваливался, — сухо заметил Бернард, не поднимая головы.

Все расхохотались. Я тоже выдавил усмешку, но мысли упрямо возвращались к тому, что осталось за горизонтом — к дому.

— Бернард, — неожиданно подал голос Лука, смущаясь собственной смелости. — А её кормить будут?

— Кого? — Старший поднял взгляд.

— Ну, эльфийку. Она ж вторые сутки с нами. Может, хоть воды дать?

Клаус презрительно фыркнул:

— Ишь, заботливый какой сыскался. Может, ещё на ручки её возьмёшь?

— Да я ничего такого... — Лука потупился. — Просто

если сдохнет по пути, нам же не заплатят.

— Самый умный, значит? — Клаус оскалился. — Не сдохнет. Эти твари живучие, как тараканы.

— Заткнись, — коротко бросил Бернارد, пресекая начавшуюся перепалку. — Сейчас разберёмся.

Недолго думая, он окликнул меня:

— Нанталь! Отнеси ей плошку. Малой прав: сутки без еды — товар портится.

Я молча кивнул. Налил в миску дымящейся похлёбки. Ноги слушались неохотно.

Она сидела всё там же — на холодной земле, прислонившись спиной к шершавому, поросшему мхом камню. Спутанные, грязные волосы разметались по плечам; в них застряли сухие листья и мелкий лесной сор. Одежда, некогда добротная, теперь превратилась в жалкие лохмотья, кое-где пропитанные грязью и запёкшейся кровью. Лицо её было бледным до синевы, а глаза — огромные, зелёные, точно молодая листва — смотрели на меня с неприкрытой, дикой ненавистью и страхом, который она из последних сил пыталась схоронить глубоко внутри. Но я видел эту дрожь.

Я поставил миску на землю. Носком сапога пододвинул ближе.

— Жри, — бросил я глухо.

Она даже не шевельнулась — так и замерла изваянием, будто меня здесь и не было. Я постоял с минуту, ощущая, как в груди разрастается глухое, липкое раздражение. Потом

нащупал за поясом флягу. Металл обжёг пальцы холодом. Резким, хлёстким движением я швырнул её на землю. Фляга звякнула, глухо ударившись о камень, покатилась с едва слышным скрежетом, приминая сухую траву, и замерла почти у самого её ботинка.

— Вода.

Она не взглянула. Сидела все так же неподвижно, глядя в одну точку под ногами. Я скрипнул зубами, с досадой сплюнул в сторону, развернулся и зашагал прочь. Не моё дело. Главный приказал — я свое дело сделал.

Ночь не принесла мне покоя. Я сидел у догорающего костра, неотрывно глядя на тлеющие угли. Они то вспыхивали алым, предсмертным светом, то угасали, покрываясь пепельной коркой. Рядом Лука давно уже свернулся калачиком и мирно посапывал. Ганс спал, развалившись на земле, как огромное бревно. Клаус, привалившись к стволу, время от времени прикладывался к фляге и бормотал что о невнятное. Теперь каждый новый день приближал нас к цели, но сама дорога казалась бесконечной — словно мы топтались на месте.

Взгляд сам собой скользнул к камню. Эльфийка по-прежнему сидела на том же месте — но теперь её била дрожь. Холод пробирал даже меня, укутанного в плащ у живого огня. А на ней — лишь тонкая, разодранная рубаха. «Надо бы дать ей что-то», — мелькнуло. Я поёжился, плотнее запахнулся в

грубое сукно. «Товар. Не дай замёрзнуть». Но ноги приросли к земле. Плащ был один. И он был мой.

Я резко отвернулся, распахнувшись, стиснул зубы и рывком стащил с себя старый верхний зипун — бесполезную тонкую тряпку. Не глядя, швырнул в её сторону.

— На, — буркнул я в темноту. — Чтоб не околела.

Не знаю, взяла ли. Я не смотрел — отвернулся сразу, словно боялся увидеть что-то, что перевернуло бы всё во мне. Сел на своё место, чувствуя, как ледяная сырость пробирается к костям. Рядом наконец затих и Клаус: фляга выпала из его руки и глухо стукнулась оземь, проливая содержимое. Я уставился на угли, но не видел их. В груди саднило — остро, болезненно, не от холода.

«Дурак, — с тоской подумал я. — На кого тратишь последнее? На какую-то нечисть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.